

Deliberateness as a mandatory element of crimes related to public dissemination of false information: current problems of application of articles 207.1-207.3 of the Russian Criminal Code

N. V. Dunyamalyev¹

¹Legal Alliance, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-262-269

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to a comprehensive study of the element of «deliberateness» in crimes related to the public dissemination of false information (Articles 207.1–207.3 of the Russian Criminal Code). An analysis of various doctrinal approaches to the legal nature of deliberateness is conducted, examining it as a special technique of legislative drafting. Particular attention is paid to the analysis of current judicial practice, which reveals significant heterogeneity in the methodological approaches of judicial bodies to establishing the element of deliberateness: from comprehensive examination of the totality of circumstances to simplified objectification of a subjective element. The publication notes that in the context of digitalization of the information space, establishing a person's reliable knowledge of the falsity of disseminated information presents significant difficulty for law enforcement practitioners. The necessity of developing unified methodological guidelines for establishing the element of deliberateness is substantiated, addressed to both judicial bodies and preliminary investigation agencies, which will ensure uniformity of law enforcement practice and prevent violations of the principle of inadmissibility of objective imputation.

Keywords: deliberateness; public dissemination of false information; subjective element of crime; objective imputation; intent; information verification; legislative technique; judicial practice; Articles 207.1–207.3 of the Russian Criminal Code; reliable knowledge

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dunyamalyev, Nikhad V. | E-mail: nixad2000@mail.ru

For citation: Dunyamalyev N. V. Deliberateness as a mandatory element of crimes related to public dissemination of false information: current problems of application of articles 207.1-207.3 of the Russian Criminal Code // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 3. P. 262-269. (in Russ.)

Заведомость как обязательный признак преступлений, связанных с публичным распространением ложной информации: актуальные проблемы применения статей 207.1–207.3 УК РФ

Н. В. Дунямалыев¹

¹Правовой Альянс, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-262-269

УДК 343.3/7

Научная статья

Полный текст на русском языке

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию признака «заведомость» в составах преступлений о публичном распространении ложной информации (статьи 207.1–207.3 УК РФ). Проводится анализ различных доктринальных подходов к правовой природе заведомости, которая рассматривается как специальный приём законодательной техники. Особое внимание уделяется анализу актуальной судебной практики, который выявляет существенную неоднородность методологических подходов судебных органов к установлению признака заведомости: от комплексного исследования совокупности обстоятельств до упрощённой объективизации субъективного признака. В публикации отмечается, что в условиях цифровизации информационного пространства установление достоверного знания лица о ложности распространяемых сведений представляет значительную сложность для правоприменителя. Обосновывается необходимость разработки единых методологических рекомендаций по установлению признака заведомости, адресованных как судебным органам, так и органам предварительного следствия, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и исключить нарушение принципа недопустимости объективного вменения.

Ключевые слова: заведомость; публичное распространение ложной информации; субъективная сторона преступления; объективное вменение; умысел; верификация информации; законодательная техника; судебная практика; статьи 207.1–207.3 УК РФ; достоверное знание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дунямалыев, Нихад Вугар оглы

E-mail: nixad2000@mail.ru

Заместитель начальника юридического отдела

Для цитирования: Дунямалыев Н. В. Заведомость как обязательный признак преступлений, связанных с публичным распространением ложной информации: актуальные проблемы применения статей 207.1–207.3 УК РФ // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 3. С. 262–269.

Введение уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (статьи 207.1–207.3 УК РФ) актуализировало давнюю дискуссию о правовой природе признака «заведомости» и его роли в конструировании состава преступления.

© ЯРГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Следует отметить, что термин «заведомость» отсутствует в толковых словарях русского языка, но при этом активно используется в законодательной технике. В общелингвистическом смысле слово «заведомый» означает хорошо известный, несомненный, явный факт [1, с. 253]. В уголовно-правовом контексте «заведомость» представляет собой достоверное знание субъекта о наличии либо отсутствии какого-либо конкретного жизненного обстоятельства, имеющего юридическое значение для квалификации преступления. Стоит отметить, что законодателем нормативного определения термина «заведомость» не сформулировано, в связи с чем правоприменителем предпринимаются попытки самостоятельной трактовки данного понятия, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹.

В современной науке уголовного права отсутствует единство в понимании правовой природы заведомости. Можно выделить ряд научных подходов к данной проблеме.

Первая позиция, которой придерживается А. И. Рарог, квалифицирует заведомость исключительно как технический прием законодательной техники, а не как самостоятельный признак субъективной стороны. Автор обосновывает тезис о том, что заведомость не является автономным элементом интеллектуально-волевой сферы субъекта, а функционирует как специальный лексический инструмент законодательной техники, предназначенный для фиксации в диспозиции уголовно-правовой нормы факта осведомленности лица о юридически релевантных обстоятельствах совершаемого деяния [2, с. 48]. Согласно этому подходу, заведомость представляет собой особый способ указания в уголовном законе на осознание субъектом определенных обстоятельств, имеющих значение для квалификации преступления.

Вторая позиция, которой придерживаются С. Ю. Кораблёва и В.А. Казакова, указывает на то, что разделение психологических характеристик на признаки и технические приемы выглядит достаточно условным. Достоверное (заведомое) знание лица о наличии определенных обстоятельств, безусловно, имеет значение для квалификации преступления по субъективным признакам [3, с. 29].

Мы придерживаемся позиции, согласно которой заведомость, безусловно, представляет собой особый прием законодательной техники, используемый для характеристики субъективной стороны преступления. Вместе с тем она не может рассматриваться в качестве самостоятельного признака субъективной стороны, поскольку объединяет в себе не только её компоненты, но и элементы объекта и объективной стороны состава преступления. Изначально «заведомость» выступает характеристикой субъективной стороны, а затем уже приобретает компоненты объекта, объективной стороны состава преступления. Дальнейшая дифференциация психического отношения к совершаемому деянию предполагает использование дополнительных критериев, в частности, свойств предмета посягательства, средств или орудий совершения преступления и т. д. (заведомо беспомощное состояние, заведомо ложные сведения и т. д.).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета, 2015, 13 июля.

В доктрине уголовного права существует также точка зрения, что в современных условиях категория «заведомость» теряет своё изначальное назначение и сохраняется в нормах уголовного законодательства преимущественно в силу законодательной инерции. А. Г. Иванов утверждает, что «категория «заведомость» утратила свое историческое значение после введения в УК РФ ч. 2 ст. 24, прямо указывающей на форму вины. В условиях УК РСФСР 1960 г. заведомость выполняла функцию разграничения форм вины, однако в современном уголовном кодексе эта функция реализуется через законодательную формулу умысла, что делает дополнительное указание на заведомость избыточным» [4, с. 78].

По нашему мнению, с указанной точкой зрения сложно согласиться. Анализ уголовного законодательства позволяет выделить ряд функций, которые выполняет конструкция заведомости. Заведомость используется для конструирования квалифицированных составов преступлений, указывающих на повышенную общественную опасность деяния (функция дифференциации уголовной ответственности).

Относительно рассматриваемых нами преступлений о публичном распространении ложной информации (ст. 207.1-207.3 УК РФ) элемент «заведомости» выступает гарантией против объективного вменения, защищая от привлечения к уголовной ответственности лиц, которые добросовестно заблуждались относительно юридически значимых обстоятельств. Стоит также отметить, что признак заведомости требует от правоприменителя более высокого стандарта доказывания психического отношения лица к совершаемому деянию.

Ряд исследователей обоснованно отмечает, что исключение признака заведомости из диспозиции статьи влечет определенные правоприменительные риски. Как указывает Н. И. Пикуров, заведомость устанавливает повышенный стандарт доказывания и служит гарантией против объективного вменения. «При отсутствии прямого законодательного требования о доказывании достоверного знания лица относительно конкретных обстоятельств увеличивается вероятность неправомерного привлечения к уголовной ответственности лиц, находившихся в состоянии добросовестного заблуждения» [5, с. 67].

Особую актуальность проблема заведомости приобретает в контексте составов преступлений о публичном распространении ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ). В условиях цифровизации коммуникативного пространства, множественности информационных источников и высокой скорости распространения информации существенно усложняется установление достоверного знания лица о ложности распространяемых сведений.

Если в традиционных составах преступлений заведомость касается фактических обстоятельств объективной реальности (возраст потерпевшего, беспомощное состояние, преступное происхождение имущества), то в составах о публичном распространении ложной информации заведомость относится к оценочной категории истинности/ложности информации, что создает дополнительные трудности для правоприменения.

Согласно обзору по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утвержденному Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 года, «для целей статей 207.1 и 207.2 УК РФ под заведомо ложной информацией следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.),

которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему». «Размещение лицом в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на странице других пользователей материала, содержащего ложную информацию (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом (в том числе так называемый репост), может быть квалифицировано по статье 207.1 или 207.2 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо действовало с прямым умыслом, сознавало, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц»².

Для квалификации деяния по статьям 207.1–207.3 УК РФ необходимо установить, что лицо осознавало факт распространения именно ложной информации, не соответствующей действительности. Однако на практике возникает вопрос о критериях разграничения достоверного знания о ложности сведений и добросовестного заблуждения относительно их истинности.

По смыслу Апелляционного определения Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 марта 2024 г. по делу № 55-134/2024³, представляется недостаточным принятие во внимание лишь ссылок обвиняемого на то, что в момент распространения информации он полагал её правдивой, надежной. Данное обстоятельство должно подвергаться проверке через установление фактических действий лица, направленных на выяснение достоверности распространяемых сведений. Ключевым является вопрос: предпринимало ли лицо какие-либо меры для верификации информации перед её публичным распространением? Суд справедливо отмечает, что «в приговоре суда подробно приведены нормативно-правовые акты, устанавливающие цели и задачи специальной военной операции для защиты интересов РФ и ее граждан, поддержании мира и безопасности, источники и содержание официальной информации о ходе СВО, которые были своевременно опубликованы, доведены до сведения граждан, находятся в открытом доступе». Судебная коллегия отмечает, что «осужденный является гражданином РФ, в силу возраста и имеющегося у него образования сознавал, что распространяет заведомо ложную информацию». Тем самым судебная коллегия связывает наличие заведомости с личностными характеристиками обвиняемого. Тем самым отмечается, что указанные факторы в совокупности свидетельствуют о способности лица критически оценивать распространяемую информацию и осознавать её несоответствие действительности.

Судебная коллегия указывает, что «после получении сообщений ряда пользователей социальной сети, которые указывали осужденному об опровержении размещенных им сведений, предупреждали о возможности привлечения к уголовной ответственности за распространение не соответствующих действительности сведений о действиях Вооруженных Сил РФ в ходе СВО». Данное обстоятельство демонстрирует некий волевой компонент заведомости – лицо сознательно игнорировало

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 марта 2024 г. по делу № 55-134/2024 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

информацию о ложности распространяемых сведений и продолжало противоправную деятельность.

Судебная коллегия обоснованно отклонила заявления осужденного о том, что он не был знаком с официальной информацией, скопировал текст со страниц других пользователей и был убежден в правдивости распространяемых сведений. Заявления осужденного признаны неубедительными, так как указанные обстоятельства не освобождают лицо от обязанности верификации распространяемых сведений. Продолжение распространения информации после получения предупреждений и опровержений свидетельствует не о добросовестном заблуждении, а об умышленных действиях по пренебрежению достоверностью сведений.

Таким образом, судебная практика демонстрирует комплексный подход к доказыванию заведомости, основанный на анализе как объективных возможностей лица по проверке информации, так и его фактического поведения, свидетельствующего о сознательном игнорировании ложности распространяемых сведений.

В связи с чем в доктрине уголовного права формируется позиция, согласно которой наличие у лица объективной возможности проверить достоверность информации при одновременном отсутствии желания осуществить такую проверку следует рассматривать как умышленное пренебрежение обязанностью верификации распространяемых сведений. Такое поведение свидетельствует о сознательном игнорировании потенциальной ложности информации, что коррелирует с содержанием категории «заведомость» [6, с. 23]. Вместе с тем не могут служить самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности ссылки на отсутствие времени для проверки распространяемой информации либо на изначальное доверие к первоначальному источнику её происхождения. В условиях современного информационного пространства, характеризующегося высокой скоростью распространения данных и низким порогом входа для публичной коммуникации, лицо, осуществляющее публичное распространение информации, принимает на себя повышенную ответственность за её достоверность.

В научной литературе высказывались критические замечания относительно возможности произвольной оценки существенных обстоятельств дела, при которой судебные органы опираются на стереотипные подходы и устоявшиеся представления, делая на их основе вывод о невозможности неосведомленности обвиняемого относительно ложности распространяемой информации [7, с. 161]. Такой способ установления субъективной стороны преступления вступает в противоречие с основополагающими принципами уголовного права. В судебной практике периодически прослеживается склонность к интерпретации элементов субъективной стороны преступления с позиций обвинительного уклона.

Согласно кассационному постановлению судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2024 г. № 77-1383/2024⁴, суд отмечает, что в описании преступного деяния, признанного судом доказанным, суд первой и апелляционной инстанции ограничился констатацией факта публичного распространения осужденной под видом достоверной заведомо ложной информации в форме личных утверждений, не соответствующих действительности. Однако каких-либо конкретных фактических обстоятельств, свидетель-

⁴ Кассационное постановление судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2024 г. № 77-1383/2024 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

ствующих о том, что осужденная заведомо знала о ложности распространяемой информации, судом установлено не было и в приговоре приведено не было.

При рассмотрении доводов апелляционных жалоб об отсутствии субъективной стороны преступления суд апелляционной инстанции ограничился формальной ссылкой на то, что указанные доводы были проверены судом первой инстанции и обоснованно признаны несостоятельными. При этом собственных мотивированных выводов о наличии у осужденной прямого умысла на совершение преступления в опровержение аргументов стороны защиты судом апелляционной инстанции сформулировано не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции отмечает, что из показаний осужденной, положенных в основу приговора, следует, что она считала полученную от «лица» информацию достоверной, не имела умысла на размещение ложной информации и не преследовала цель посеять панику среди населения. Спорный текст был впоследствии ею удален. В явке с повинной осужденная, подтвердив факт публикации информации, указала, что лишь позже узнала о несоответствии информации действительности, о чем незамедлительно сообщила в ленте своей страницы в социальной сети. Также из совокупности указанных доказательств усматривается, что осужденная не являлась автором опубликованной информации, то есть распространенные сведения не представляли собой её собственное заведомо ложное измышление относительно обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, принимаемых мер по обеспечению безопасности населения и территории, приемов и способов защиты от указанных обстоятельств.

«Лицо» не являлось для осужденной незнакомым, посторонним человеком или анонимным пользователем сети Интернет, распространяющим непроверенную информацию. Напротив, их связывало многолетнее знакомство, основанное на деловых и рабочих отношениях.

Суд судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции указал, что изложенное свидетельствует о том, что осужденная имела достаточные основания доверять сведениям, сообщенным ей «лицом», и не могла заведомо знать о том, что направленная ей информация не соответствует действительности.

Анализ судебной практики по статьям 207.1-207.3 УК РФ выявляет тревожную тенденцию к фактической объективизации признака заведомости. Суды сталкиваются со сложностью доказывания осведомленности лица о ложности распространяемой информации. Они ограничиваются установлением факта несоответствия сведений официальным данным компетентных органов.

Такой подход преобразовывает заведомость из субъективного признака в объективный критерий. Указанное преобразование нарушает фундаментальный принцип уголовного права о недопустимости объективного вменения.

Проведенный анализ судебной практики по применению ст. 207.1-207.3 УК РФ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сравнительный анализ приведенных судебных актов демонстрирует противоположные методологические подходы к доказыванию заведомости публичного распространения ложной информации. Часть судов демонстрирует комплексный подход, при котором заведомость устанавливается на основании совокупности обстоятельств: личностных характеристик лица, доступности официальной информа-

ции, поведения после получения предупреждений. Напротив, отдельные судебные акты выявляют тенденцию к объективизации признака заведомости, когда суды ограничиваются формальной констатацией факта несоответствия информации действительности, игнорируя обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии достоверного знания о ложности сведений. Такая неоднородность судебной практики создает правовую неопределенность и риск нарушения принципа недопустимости объективного вменения, закрепленного в ст. 5 УК РФ.

2. Правоприменительная практика характеризуется отсутствием четких, единообразных критериев определения признака заведомости, что создает значительные трудности при квалификации деяний по ст. 207.1–207.3 УК РФ. Отсутствие четких критериев приводит к произвольной оценке судами фактических обстоятельств и порождает риск расширительного толкования признака заведомости.

3. Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости разработки единых методологических рекомендаций по установлению признака заведомости при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 207.1–207.3 УК РФ. Такие рекомендации должны быть адресованы не только судебным органам на стадии рассмотрения уголовных дел, но и органам предварительного следствия, осуществляющим доказывание субъективной стороны преступления на этапе предварительного расследования. Формирование единообразного подхода к установлению заведомости на всех стадиях уголовного процесса позволит обеспечить последовательность правоприменения, исключить объективное вменение и гарантировать соблюдение принципа презумпции невиновности. Разработка указанных методологических рекомендаций представляется актуальной задачей как для научного сообщества, так и для высших судебных инстанций, уполномоченных формировать единообразную судебную практику.

Ссылки

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и Образование, 2012. 894 с.
2. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 218 с. EDN QQYQTN
3. Кораблёва С. Ю., Казакова В. А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений: монография. М.: Научное обозрение, 2016. 191 с. EDN WWTPBP
4. Иванов А. Г. Значение признака "заведомость" в установлении умысла // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 74–81. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-74-81
5. Пикуров Н. И. "Заведомость" как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4. С. 66–74. DOI 10.17803/2311-5998.2024.116.4.066-074
6. Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2. С. 18–31. DOI 10.17150/2411-6122.2023.2.18-31
7. Чугунов А. А., Власенко Е. Р. Уголовная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения государственными органами своих полномочий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 159–163. DOI 10.24412/2414-3995-2024-2-159-163